

УДК 340.15

А.В. СКОРОБОГАТОВ,

доктор юридических наук, профессор,

Н.Н. РЫБУШКИН,

кандидат юридических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ЗАПРЕТЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Статья посвящена анализу уголовно-правовых запретов в период формирования древнерусской государственности. На основе исследования памятников древнерусского права авторы делают вывод об усилении роли государства в регулировании общественных отношений в уголовно-правовой сфере.

Цель уголовно-правовых запретов состоит в обеспечении устойчивости социальных связей, в их гарантированности от произвола преступных посягательств на индивидуальные и коллективные интересы членов общества. Функциональное их назначение исторически изменчиво и по-разному проявляется в различных социо-культурных реалиях. Его конкретное социально-историческое содержание зависит, прежде всего, от особенностей того общественно-политического строя, устойчивость которого обеспечивается уголовно-правовыми средствами.

Возникновению уголовно-правовых запретов исторически и логически предшествует появление потребностей в урегулировании противоправного поведения людей. Эти потребности возникают вследствие появления новых видов общественных отношений, нуждающихся в юридическом упорядочении; изменения уже имеющихся отношений; изживания процессов и тенденций, препятствующих развитию новых политических, экономических, социальных и религиозных норм; необходимости охраны сложившегося социального строя от посягательств на него отдельных граждан и т.д. Институализация этих потребностей в форме уголовно-правовых запретов осуществляется уже на раннем этапе государственно-правового развития.

Первые упоминания об общественных отношениях, которые регулировались уголовными нормами на Руси, относятся к X в. и содержатся в

записках арабских путешественников, летописях, договорах Руси с Византией. Понятие «преступного» в этот период определялось по-разному: «проказа», «сгрешение», «злое дело». Общий смысл этих определений в религиозно-этическом, а не юридическом характере преступных деяний. Главный элемент преступного действия – наказуемость.

Однако уже в русско-византийских договорах была предпринята попытка юридического определения уголовно-правовых запретов. В русско-византийских договорах предусматриваются такие виды преступлений, как убийство (ст. 4 договора 911 г. [1, с. 13–16], ст. 13 договора 944 г. [1, с. 19–23]), нанесение телесных повреждений (ст. 5 договора 911 г., ст. 14 договора 944 г.), воровство (ст. 6 договора 911 г., ст. 6 договора 944 г.), некоторые другие. За убийство договорами предусмотрена смертная казнь или выплата штрафа семье потерпевшего, если виновный, скрывшийся от правосудия, имеет какое-либо состояние.

За нанесение телесных повреждений предусмотрен штраф «пять литров серебра по Закону Русскому». Если виновный небогат, то он должен отдать все вплоть до одежды, в которой ходит. Наказания за преступления против собственности по договорам различаются, что связано с эволюцией протогосударственных отношений в Древнерусском государстве, с переходом от социальной власти к политической. В договоре 911 г. говорится, что, если вор задержан на

месте преступления, то он должен быть убит. Если же вор сдастся добровольно, то он должен вернуть украденную вещь и выплатить тройную стоимость украденного. По договору 944 г. вор должен вернуть украденную вещь и выплатить ее стоимость. Если же вещь уже продана, то он должен отдать вырученные деньги. Кроме того, он должен был подвергнуться наказанию «по закону греческому и по уставу и по Закону Русскому».

Устанавливая уголовно-правовые запреты, русско-византийские договоры не вводили новых норм, а предписывали греков судить по нормам византийского права, преступления же русских людей должны были рассматриваться в соответствии с нормами Закона Русского (по-видимому, комплекс норм обычного права). В особых случаях (если кража совершена гражданином одного государства у гражданина другого государства во время его пребывания на территории первого государства) предусматривалась возможность двойного наказания – и по византийскому праву, и по Закону Русскому.

Однако для этих источников еще не характерно наличие особых уголовных терминов, отсутствуют общие понятия преступления и наказания. Очевидно, русские разработчики документов исходили из предположения об общепринятости этого понятия. В отечественной юридической литературе принято считать, что первая попытка определить понятие преступного деяния была сделана в Русской Правде¹ (середина XI в.). Если Правда Ярослава еще представляет собой систематизацию норм обычного права, то Правда Ярославичей и Пространная Правда, кроме норм обычного права, основываются на законодательстве и судебной практике князей.

Преступление по Русской Правде определялось как «обида», то есть причинение морального или материального ущерба лицу или группе лиц [2]. Несмотря на то, что термин «преступление» в эпоху Русской Правды был уже известен, в самом ее тексте он отсутствовал. Это объясняется тем, что Русской Правде было чуждо то понятие о преступлении, которое выражается этим термином,

то есть нарушение закона [3]. Однако, судя по системе наказаний, можно предположить, что уже намечается переход к восприятию преступления как нарушения уголовного закона.

Хотя разряд преступлений, караемых Русской Правдой, ограничивался так называемыми частными преступлениями против личных и имущественных прав частных лиц, из этого не следует, что оценка преступных деяний в ту эпоху осуществлялась только с точки зрения интересов потерпевших. Напротив, штраф за «обиду» платился не только в пользу потерпевшего, но и в пользу князя, персонифицировавшего государственную власть.

Преступление в древнерусском праве еще не отграничивалось от гражданско-правового правонарушения. Например, согласно ст. 15 КП, злостный неплатеж долга, образовавшегося в результате гражданско-правовой сделки, признавался обидой и влек за собой уголовное наказание в виде штрафа. Существующая в отечественной юридической науке точка зрения, согласно которой такое отграничение проводилось достаточно четко, просто осуществлялось одновременное применение двух форм ответственности уголовной и гражданской [4, с. 21–22], представляется недостаточно аргументированной. Если историко-правовой анализ установлений Русской Правды и позволяет сделать такое допущение, то уголовно-правовое исследование ее установлений предполагает однозначный вывод о примитивном характере уголовно-правового регулирования [5]. Именно этим объясняется классификация преступлений по Русской Правде. Все составы сводилась исключительно к частным посягательствам. Объектами преступления выступали личность (ст. ст. 1, 3, 7 КП и др.) и имущество (ст. ст. 12, 14, 16 КП и др.). Ни государственных, ни религиозных составов преступления Русская Правда не упоминает.

Среди преступлений против личности можно назвать убийство (ст. 88 ПП), телесные повреждения (различного рода увечья: лишение руки, глаза, зуба и т.д.) (ст. 4 КП), членовредительство (раны, побои) (ст. 68 ПП), оскорбление чести (угроза мечом, вырванная борода) (ст. 67 ПП).

Особое внимание уделяет Русская Правда убийству. Различалось два вида убийств: убийство в споре и убийство в разбое.

¹ При указании статей Русской Правды используются общепринятые в исторической науке сокращения: КП – Русская Правда краткой редакции, ПП – Русская Правда пространной редакции. Нумерация статей приводится по академическому изданию: Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. М., 1947. Ч. 1–2.

Первый вид убийства характеризовался явным, открытым его совершением в ссоре, на пиру, под влиянием внезапного возбуждения. Виновный платил виру, то есть 40 гривен, в том случае, если убитый являлся свободным человеком, или 80 гривен, если потерпевший был огнищанином или княжим мужем. За убийство других княжеских слуг вира была гораздо меньше. Так, за убийство княжьего отрока, конюха, повара взыскивалось 40 гривен, сельского или ратайного старосты – 12 гривен, столько же за княжеских ремесленников и ремесленниц; за рядовичей, смердов, холопов взыскивалось 5 гривен. За убийство рабыни взыскивалось 6 гривен. Устав Владимира Мономаха увеличил денежное взыскание за убийство рабов до 12 гривен.

Убийство в разбое определялось чисто внешними признаками. Предполагалось, что это убийство совершается без всякой ссоры. За убийство в разбое полагались поток и разграбление.

Русская Правда не предусматривает убийства князя, княгини, представителей высших церковных властей. Несомненно, что убийство этих лиц наказывалось смертной казнью.

Из имущественных преступлений Русская Правда наибольшее внимание уделяет татьбе, то есть краже – тайному похищению чужого имущества. Известны такие ее виды, как кража из закрытого помещения (ст. 31 КП, ст. ст. 35, 41 ПП), кража хлеба (ст. 43 ПП), конокрадство (ст. 13 КП, ст. 35 ПП), кража холопа (ст. 29 КП), сельскохозяйственных продуктов и скота (ст. ст. 36, 40 КП, ст. ст. 42, 45 ПП), кража корабля – ладьи (ст. 35 КП, ст. 79 ПП) и др. Были известны и другие имущественные преступления: разбой (не отличимый еще от грабежа) (ст. 20 КП, ст. 7 ПП), уничтожение чужого имущества (ст. ст. 75, 84 ПП), порча межевых и бортных знаков (ст. 34 КП, ст. ст. 71, 72 ПП), поджог (ст. 83 ПП).

О преступлениях против семейных отношений и нравственности Русская Правда не упоминает. О них довольно подробно говорится в княжеских церковных уставах, которые будут рассматриваться ниже.

Русская Правда не содержит никаких статей о церковных преступлениях. Мало статей содержится и в церковных уставах. Устав князя Владимира [4, с. 139] упоминает такие преступления, как церковная кража, разграбление могил,

посещение крестов, ввод в церковь животных и птиц, моление под овином, в рощах, у воды, колдовство. Однако никаких наказаний Устав за эти преступления не предусматривает. Отсутствие упоминания о преступлениях против церкви в Русской Правде и незначительное внимание, которое уделяется этим преступлениям в церковных уставах, объясняется не тем, что эти преступления вообще отсутствовали в Киевском государстве, а тем, что все эти дела рассматривались по византийским законам. Виновные наказывались по византийской системе наказаний [6, с. 323].

Объективная сторона включала в себя покушение на преступление (наказывался человек, обнаживший меч, но не ударивший) (ст. 9 КП, ст. 24 ПП) и оконченное преступление (ст. ст. 7, 8 КП и др.). Закон намечал понятие соучастия (разбойное нападение «скопом»). Несмотря на то, что понятие соучастия и его основные признаки будут сформулированы гораздо позже, уже в Русской Правде прослеживалась повышенная общественная опасность преступлений, совершаемых совместно несколькими лицами, что выражалось, прежде всего, в назначении более суровой меры наказания за их совершение. Однако характер соучастия еще не учитывался, все соучастники наказывались равным образом. Так, ст. 41 ПП гласит: «Если кто крадет скот из хлева или что-либо из клетки, с того вора, буде он один крал, взыскивать продажи 3 гривны и 30 кун. Если же крали вместе несколько воров, с каждого взыскивать по 3 гривны и 30 кун». Особенность Русской Правды заключалась в том, что виновные наказывались за совместное совершение только имущественных преступлений.

Несмотря на достаточно примитивный характер уголовно-правового регулирования, уже появилось представление о превышении пределов необходимой обороны (если вора убьют после его задержания, спустя некоторое время, когда непосредственная опасность от его действий уже не исходит) (ст. 38 КП, ст. 40 ПП). К смягчающим обстоятельствам Русская Правда относила убийство в ссоре или на пиру (ст. 6 ПП). Неумышленное убийство, совершенное в гневе и явно, наказывалось слабее предумышленного, предпринятого обдуманно и тайно. Среди отягчающих обстоятельств назывались состояние опьянения (ст. 62 ПП) и корыстный умысел пре-

ступника (ст. ст. 19, 20 КП). К обстоятельствам, освобождающим от ответственности, Русская Правда относила самооборону (ст. 26 ПП), защиту собственного имущества (ст. 40 ПП), жалобу князю на противоправные действия своего господина в случае побега закупа (ст. 56 ПП), телесные наказания господином зависимых лиц (ст. 62 ПП).

Субъектами преступления были все свободные без различия пола. Хотя Русская Правда не содержит норм об уголовной ответственности для лиц женского пола, ряд статей о наследстве и о преступлении в отношении женщин позволяют предположить, что они являлись субъектами права наравне с мужчинами, следовательно, должны были самостоятельно отвечать за свои преступные деяния [7, с. 62].

Возрастной ценз уголовной ответственности не был установлен, хотя с учетом широкого использования в Древней Руси норм византийского религиозного права, можно предположить, что за преступные деяния ребенка до 7 лет полностью отвечала его мать. По обоснованному утверждению В.А. Рогова, данный возраст определяется тем, что в этот период происходит таинство причащения несовершеннолетнего, то есть с этого момента в соответствии с религиозными догматами появляется способность грешить и отвечать за свои поступки. Преступление в религиозном праве один из таких грехов [8].

Уголовная ответственность по Русской Правде не распространялась на холопов, которые не являлись субъектами права. Например, в ст. 46 ПП прямо говорится об этом: «Если же воры будут холопы княжеские, боярские или монастырские, которых князь не карает продажей, потому что они не свободные люди, то за холопью кражу платить двойные урочные цены в вознаграждение за убытки». За преступление, совершенное холопом, отвечал его господин, который мог наказать холопа по своему усмотрению. Русская Правда в ряде статей достаточно широко подходила к понятию «холоп», включая в него все категории зависимого населения. Так, ст. 64 ПП гласит: «Если закуп украдет что-нибудь на стороне, то господин отвечает за него. Но он может, когда отыщут вора, заплатить за лошадь или другое что, им украденное, и закупа взять себе в полное холопство, а может и продать его, если не хочет за

него платить, и тогда он должен наперед заплатить за то, что взял наймит чужого, будет ли то лошадь, вол или какая-нибудь вещь. А что останется за уплатою, то взять себе».

При определении тяжести наказания учитывался правовой статус преступника и потерпевшего (ст. ст. 11–17 ПП), а также его подданство. Текст Русской Правды не позволяет однозначно утверждать, что в случае аналогичных преступлений русский подданный и иностранец наказывались по-разному, однако ст. 18 ПП, гласящая: «Если кого будут обвинять в убийстве, не имея прямых улик, тот должен представить семь свидетелей, чтобы отвести от себя обвинение; если же ответчик будет варяг или другой иноземец, то достаточно двух свидетелей», позволяет предположить, что для иностранцев предусматривались более мягкие наказания.

Субъектом уголовной ответственности могло выступать не только физическое лицо. Русская Правда предусматривала коллективную ответственность общины за убийство на ее территории, если не был известен преступник (ст. 19 ПП), в случае отказа общины его выдать (ст. 77 ПП) или помощи в выплате штрафа преступником, если он не может это сделать самостоятельно (ст. 5 ПП). В этом просматриваются пережитки догосударственного обычного права, где был широко распространен принцип «круговой поруки» [9]. По словам А.О. Чебышева-Дмитриева, ответственность общины за преступление, совершенное на ее территории, связана с распространенным в догосударственном обществе убеждением, что преступник проживает на месте совершения правонарушения [7, с. 51–52].

Хотя Русская Правда прямо не указывает на обстоятельства, исключаящие вменение преступления, представляется верным утверждение В.В. Момотова, что малолетство, сумасшествие и другие физические недостатки, влияющие на понимание противоправного характера своих действий, могли быть основанием для исключения вменения преступления [6, с. 322].

Среди элементов субъективной стороны древнерусскому праву известны только элементы вины, как психического отношения к совершаемому противоправному деянию. С.В. Юшков, специально занимавшийся проблемами обнаружения вины в русском средневековом праве,

обнаружил разные формы вины в зависимости от присутствия злой воли преступника [10]. Хотя Русская Правда последовательно не определяет сочетание интеллектуальных и волевых признаков, свидетельствующих об отношении виновного к совершаемому им деянию и его последствиям, но в ряде случаев предполагает умысел и неосторожность при совершении преступного действия. Статья 6 ПП упоминает случай убийства («на пиру явлено»), а ст. 7 ПП – «убийство на разбое без всякой ссоры». В первом случае имелось в виду неумышленное, а во втором – разбойное, корыстное, преднамеренное убийство.

Основными мерами наказания являлись кровная месть, поток и разграбление, выкупы, часть которых шла князю (вира, продажа), часть – потерпевшему (головничество, урок). Последние также свидетельствуют о пережитках обычного правового регулирования. Для родового строя характерна материальная компенсация преступника потерпевшему как средство, облегчающее их примирение в дальнейшем [11].

Высшей мерой наказания по Русской Правде являлись «поток и разграбление», назначаемые только в трех случаях: за убийство в разбое (ст. 7 ПП), поджог (ст. 83 ПП) и конокрадство (ст. 35 ПП). Наказание предполагало конфискацию имущества и продажу преступника (вместе с семьей) в рабство. Следующим по тяжести видом наказания была «вира» – штраф, который назначался только за убийство.

Смертная казнь в Русской Правде не упоминается, хотя на практике она, несомненно, имела место. Это наказание использовалось значительно раньше – в виде кровной мести, а также по указанию князей. Но все эти случаи применения смертной казни не имели юридического характера наказания, следовательно, это была мера государственного принуждения [12]. Применялась смертная казнь достаточно редко и только в чрезвычайных обстоятельствах. Так, когда при Владимире Святославиче умножились разбои, то по настоянию духовенства как мера борьбы с ними была использована смертная казнь [13]. По предположению О. Филиппова, введение смертной казни как вида уголовного наказания произошло по настоянию православной церкви [14].

В Русской Правде были сохранены древнейшие элементы обычая, связанные с принципом талиона,

в случаях с кровной местью. Однако гуманизация уголовного права в связи с принятием христианства [15] и стремление государства к монополии на применение уголовной ответственности способствовали ограничению применения кровной мести кругом близких родственников, ее замене штрафом (в случае невозможности совершения мести): «Если муж убьет мужа, то мстит брат за убийство брата, сын за отца, или племянник со стороны брата, или племянник со стороны сестры; если никто не будет мстить, то взыскивается 40 гривен за убитого» (ст. 1 КП). Принципиально меняется цель наказания: если в догосударственном праве главным было возмездие, то теперь главной целью наказания становится возмещение ущерба (материального и морального). Постепенно усиливается наказание за нарушение «княжеского мира», то есть правопорядка, установленного государственной властью.

Уголовно-правовые запреты Русской Правды дополняются другими источниками права X–XI вв. Наиболее значимым среди них является Устав князя Ярослава о церковных судах [4, с. 189–193], большинство статей которого посвящено регулированию брачно-семейных отношений. Тем не менее, нельзя считать Устав князя Ярослава кодексом семейного права, так как отношения между полами рассматриваются преимущественно с уголовно-правовых позиций. Например, похищение чужей-либо дочери влечет за собой ответственность перед церковной властью и перед князем (ст. 2). Наряду с уголовной ответственностью перед церковью и государством в статье предусматривается и гражданско-правовая ответственность перед потерпевшей. Таким образом, санкция нормы может содержать указания сразу на два, а иногда и на три вида ответственности: уголовную, гражданскую и собственно церковно-правовую.

Устав регулирует наказание за различные виды преступлений: похищение женщины (ст. 2), изнасилование (ст. 3), в том числе групповое (ст. 7), внебрачные связи мужа (ст. 8), двоеженство (ст. ст. 9, 17), половые сношения в кругу кровных родственников, духовных родственников и свойственников (ст. ст. 13, 15, 16, 22–28), детоубийство (ст. 6), оскорбление замужней женщины (ст. 30), насильственное подстрижение бороды или волос (ст. 31) и др. Особо необходимо отметить воров-

ство (ст. ст. 32–34), в том числе жены у мужа (ст. ст. 36, 37), и поджог (ст. 14).

Таким образом, источники древнерусского права отражают тенденцию, связанную со все более усиливавшейся ролью государства в регулировании общественных отношений в уголовно-правовой сфере. Социальная реальность, дававшая почву для новых преступлений, подталкивала государственную власть к правовой оценке и регулированию этого вида отношений. С помощью уголовно-правовых запретов государство стремилось поддерживать установленный правопорядок. Хотя преступление еще воспринималось как причинение морального или материального ущерба лицу или группе лиц, преступник наказывался не только за это, но и за нарушение правопорядка, установленного государственной властью.

Список литературы

1. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб., 1846. Т. 2: Лаврентьевская и Троицкая летописи.
2. Белогривец-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. – Киев; СПб.; Харьков, 1903. – С. 60.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-н/Д, 1995. – С. 311.
4. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – С. 21–22.
5. Федорова А.Н. Правонарушения и юридическая ответственность по Русской Правде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005.
6. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. – М., 2003.
7. Чебышев-Дмитриев А.О. О преступном действии по русскому допетровскому праву. – Казань, 1862.
8. Рогов В.А. Проблемы истории русского уголовного права (XV – середина XVII вв.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1991. – С. 11.
9. Рулан Н. Юридическая антропология. – М., 1999.
10. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М., 1949. – С. 485.
11. Валеев Д.Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса // Правоведение. – 1974. – № 6. – С. 76.
12. Анашкин Г.З. Смертная казнь в капиталистических государствах. – М., 1971. – С. 44.
13. Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. – СПб., 1851. Ч. 5. Т. 5. – С. 123.
14. Филиппов О. Мотивы русского уголовного права // Эпоха: Журнал литературный и политический. – 1864. – № 12. – С. 3.
15. Тальберг Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву. – СПб., 1880. – С. 2.

В редакцию материал поступил 18.11.10

Ключевые слова: уголовно-правовое регулирование, уголовно-правовые запреты, понятие преступления, классификация преступлений, наказание, древнерусское право.